

А. К. МАТВЕЕВ

НОВЫЕ ДАННЫЕ О КАМАСИНСКОМ ЯЗЫКЕ И КАМАСИНСКОЙ ТОПОНИМИКЕ

(предварительное сообщение)

У северных отрогов Саян, в долине р. Ильбин, приютилась небольшая деревня Абалаково. По современному административному делению она находится на территории Рыбинского района Красноярского края. Деревня эта до революции именовалась Абалаковской улус, а её жителей местное русское население называло «татарами». Но ученые А. Л. Шлёцер и П. С. Паллас еще в XVIII веке установили, что язык абалаковских «татар» не имеет ничего общего с тюркскими языками, да и сами жители Абалаково называли себя в отличие от «степных» татар «таежными» татарами или **камасинцами**.

Небольшой народ камасинцев принадлежал к южной (саянской) группе самодийских народов, родственной современным северным самодийцам (ненцам, энцам, нганасанам, селькупам). В настоящее время еще не решен вопрос, было ли Алтайско-Саянское нагорье древней прародиной южных самодийцев или их последним прибежищем. Как бы то ни было, к середине XIX века самые многочисленные из южносамодийцев — камасинцы — еще насчитывали около 130 человек, а остальные южносамодийские народы (койбалы, моторы и др.) смешались с местным тюркским населением и постепенно растворились в нем. Камасинцы же по-прежнему летом кочевали по обширному горному плато («белогорьям»), где они пасли своих оленей, охотились в богатых дичью саянских лесах, ловили рыбу в горных озерах. Зимой они спускались с белогорий в гостеприимную, защищенную высокими хребтами от ветров, долину р. Ильбин, где находилось их зимнее стойбище.

Осенью 1847 года здесь и застал камасинцев знаменитый исследователь языков Сибири Александр Кастрен. Он прожил среди камасинцев около двух недель, описал грамматический строй их языка и составил небольшой словарь (около 900 слов).

Проходили годы. У подножья Саян появились первые русские поселения, с жителями которых камасинцы поддерживали тесные хозяйственные и культурные связи. В конце XIX века, когда от мора погибли все олени, камасинцы решили оставить оленеводство и навсегда поселиться в Абалаково. С тех пор они, как и русские, в основном занимались земледелием, но любили также охо-

ту и рыболовство. С течением времени возрастало количество смешанных браков, забывались древние обычаи и обряды, все меньше камасинцев хорошо знало свой родной «таежный» язык.

В 1914 году финский ученый Кай Доннер решил посетить последних южносамодийцев и изучить вымирающий камасинский язык. Около двух месяцев провел он в Абалаково, сделав много уникальных записей и составив словарь камасинского языка (около 1550 корневых слов). По данным Доннера, в это время уже только камасинцы 45—50 лет хорошо знали родной язык. Посетивший Абалаково в 1925 г. известный красноярский краевед А. Я. Тугаринов еще застал несколько стариков, помнивших камасинский язык, и записал отдельные слова. С тех пор у камасинцев никто не был. Считалось, что этот язык мертв¹.

Естественно, что ни Кастрен, ни Доннер не могли за короткое время собрать материал с достаточной степенью полноты характеризующий этот интересный язык, изученный лучше, чем языки других южносамодийцев, но все же очень плохо. По этой причине представляет ценность каждый новый факт, имеющий отношение к камасинцам и их языку.

Наша небольшая экспедиция, в состав которой входили А. К. Матвеев (руководитель), Э. Косова, Л. Копытова, П. Ашук, В. Романов (студенты IV курса филологического факультета Уральского государственного университета имени А. М. Горького), в июне 1963 г. отправилась в район Абалаково с целью записать возможно сохранившуюся камасинскую топонимику, а также проверить сам факт исчезновения камасинского языка. Кроме того, экспедиция должна была посетить село Агул, где раньше жили котты, чтобы попытаться найти в топонимике следы коттского субстрата.

В Абалаково экспедиция работала 20 дней. Сейчас здесь живут преимущественно русские и украинцы. Есть несколько потомков качинских («степных») татар, которые уже почти забыли свой родной язык, хотя и сохранили явно монголоидный облик. В самом Абалаково и в окрестных селах живут также потомки камасинцев из семей Анджиговых, Шайбиных и Саломатовых, но все они уже не знают родного языка. Факт вымирания камасинского языка был таким образом подтвержден. Более того, в самом Абалаково о камасинцах уже почти ничего не помнили. Говорили только, что раньше здесь жили «татары».

В течение нескольких дней была собрана местная топонимика, к сожалению, сохранившая мало самодийских следов. Студенты Л. Копытова и В. Романов побывали в Агуле, где о коттах уже

¹ Приводим основную литературу по камасинскому языку:

M. A. Castren. Grammatik der samojedischen Sprachen, SPB, 1854; Wörterverzeichnis aus den samojedischen Sprachen, SPB, 1855; K. Donner. Samojedische Wörterverzeichnisse, Helsinki, 1932 (MSFOu, 64); Kamassisches Wörterbuch, Helsinki, 1944 (LSFU, VIII); A. Joki. Die Lehnwörter des Sajansamojedischen, Helsinki, 1952 (MSFOu, 103); А. Я. Тугаринов. Последние калмажи. „Северная Азия“, 1926, I, стр. 73-88.

ничего не было известно, а субстратная топонимика оказалась столь же скудной, как и в районе Абалаково². Экспедиция уже собиралась закончить свою работу и возвратиться в Свердловск, когда удалось установить, что одна из жительниц Абалаково — Клавдия Захаровна Плотникова, урожденная Анджигатова, еще помнит кое-что по-камасински, и мы немедленно приступили к сбору материала по этому языку.

Клавдии Захаровне Плотниковой-Анджигатовой сейчас 70 лет, отец её — русский Захар Перов, мать — камасинка Афанасия Анджигатова. Один из младших братьев К. З. Анджигатовой — Василий — еще жив, но он, по её словам, не помнит родного языка.

Последняя камасинка еще очень бодрa, она делает всю работу по дому и даже сама косит. В соседнее село Агинское, находящееся в 25 километрах от Абалаково, предпочитает ходить пешком.

Живет К. З. Анджигатова в небольшой комнатке, расположенной в одной половине дома. Вторую половину занимает её родня (семья племянницы), которая уже совсем не помнит языка.

По-русски К. З. Анджигатова говорит без акцента. В некоторой степени владеет языком качинских («степных») татар.

Собирая материал по камасинскому языку, мы беседовали с К. З. Анджигатовой каждый день по несколько часов. Работать с единственным информатором трудно — у него нет собеседника, он быстро устает. Кроме того, надо учесть, что сама К. З. Анджигатова уже 20 лет (с тех пор, как умерла ее тетка Матрена) ни с кем не говорила на своем родном языке. Тем не менее, нам удалось записать довольно значительный материал.

Первоначально К. З. Анджигатова вспоминала только отдельные слова и фразы, но с каждым днем их становилось всё больше и больше. Заметим, что хотя в нашем распоряжении был «Камасинский словарь» Доннера, в диалоге использовались только те слова и фразы, которые уже были зафиксированы в речи информатора.

Характерно, что при просьбе повторить ту или иную фразу К. З. Анджигатова говорила по-камасински с более заметным русским акцентом.

Разумеется, камасинский язык К. З. Анджигатовой уже только тень языка, засвидетельствованного Кастреном и Доннером. Это — последняя стадия существования языка, который представляет собою смесь камасинских и русских слов и форм, исключительно беден лексически и грамматически, лишен каких-либо нюансов. Об интенсивном воздействии русского языка на камасинский язык

² Дело в том, что русское население, ассимилировавшее камасинцев и коттов, занималось главным образом земледелием и проявляло мало интереса к географической номенклатуре ягнопо характера. Очевидно, по этой же причине в Абалаково и Агуле не были обнаружены лексические субстратные включения.

К. З. Анджигатовой свидетельствуют, в частности, такие примеры: **джэбактырлаппом мби попало** «болтаю, что попало»; **гйэн са-бон? надо сабонзи бызистö** «где мыло? надо мылом помыться».

Тем не менее, в речи К. З. Анджигатовой еще отражена энергичность и напряженность артикуляции, характерные для камасинского языка, гортанная смычка (ʔ), которая встречается довольно регулярно как в середине, так и в конце слова, геминированные (лп) и придыхательные (kh, mh) согласные. Ср.: **дэ' khуза' амно'лаппо** «этот человек сидит»; **бузо нулаппо, но' амнап-по', kхандаппо, ш'лаппо** «теленочек стоит, траву ест, пошел, идет».

Обращает на себя внимание одна индивидуальная особенность произношения К. З. Анджигатовой. Там, где Доннер указывает мягкое д', она обычно произносит смягченную аффрикату дж (**шойджо** «кузовок из бересты», **джу** «земля»).

Словарный запас К. З. Анджигатовой еще довольно значителен. Записано несколько сот слов. Характерно, что она не могла вспомнить многие самые обычные слова («озеро», «олень», «луна», «звезда» и т. д.). Однако лексика, связанная с бытом, представлена еще хорошо: **кунгуро** «ботало; колокольчик на шее лошади (коровы)»; **бузо** «теленочек»; **шойджо** «кузовок из бересты»; **куинэк** «рубашка»; **но'** «травка, сено»; **йама'** «сапог»; **тылзитты** «копать». Есть даже слова, которые не зафиксированы в словаре Доннера: **kхадыл** «лицо»; **быргарлаппом** «сбиваю (масло)».

К. З. Анджигатова помнит в основных чертах систему склонения. Так, например, множественное число регулярно образуется при помощи формантов **зэнг** и **и** (**ни** «парень» — **низэнг** «парни», **корис** «петух» — **коризэнг** «петухи»; **тажа'** «купавка» — **тажа'и** «купавки», **йама'** «сапог» — **йама'и** «сапоги»). Засвидетельствованы формы всех падежей единственного числа, кроме винительного, который, по-видимому, уже утратил особое окончание. Ср.: **джу** «земля» (именительный), **джугун** «на земле» (местный), **джуну** «земле»; «на землю» (дательный); **сырыпнэ** «сахар» (именительный), **сырыпнэзи** «с сахаром» (орудийный). Вместо винительного падежа регулярно употребляется именительный: **ама' уйа, мый** «ешь мясо, щи».

У информатора записано большое число глагольных форм, однако в настоящее время еще трудно сказать, в какой мере сохранились парадигмы камасинского спряжения.

К. З. Анджигатова твердо знает числительные в пределах первого десятка: **оп** — 1; **шидэ** — 2; **нагур** — 3; **тэ'ты** — 4; **сумна** — 5; **мукту** — 6; **сэйпу'** — 7; **шинтэты** — 8; **аммиттун** — 9; **бйэ** — 10.

Обычно К. З. Анджигатова говорит только слова и отдельные фразы, но иногда произвольно получается нечто вроде небольшого связного текста, образец которого приводится: **ама', ама' уйа, мый; сыги бу быдэ' сырыпнэзи; иппэк ипполаппо, ама'** «сидись, ешь мясо, щи; чай пей с сахаром; хлеб лежит, ешь».

К. З. Анджигатова рассказывает и сказки самодийского проис-

хождения, например, о хитром человеке по имени **Кодур**, но, к сожалению, она знает их только по-русски.

У К. З. Анджиговой может быть собран еще большой и интересный материал. Для этого в 1964 году предполагается провести новую экспедицию. Уже зафиксированный материал обрабатывается и будет опубликован.

Несмотря на то, что собранная в Абалаково топонимика количественно очень незначительна и что, в частности, субстратные названия почти не встречаются в микротопонимике, анализ реликтов камасинских географических названий представляет определенный научный интерес.

Насколько нам известно, камасинскую топонимику никто специально не собирал и не изучал. Только Доннер во время своего пребывания в Абалаково записал некоторое количество топонимов, преимущественно гидронимов, которые и были включены в его «Камасинский словарь» (32 названия).

К сожалению, большинство записанных Доннером гидронимов уже утратило детерминативы, имеющие большое значение для установления топонимических типов. Тем не менее, из записей Доннера следует, что в качестве гидронимических детерминативов употреблялись три географических термина: **бу** «вода, река, озеро» (**кун-бу** «река Кун»), **д'ага** (**джага, т'ага**) «река, поток, маленькая речка» (**айангд'ага** «река Оя», дословно «степная река») и **тһу** «озеро, протока, река» (**тажи-тһу** «гусятинная река»)³. Зафиксированные Доннером значения слова **тһу**, по-видимому, объясняются постепенным забвением его первоначальной семантики (**тһу** «озеро»). Это могло быть связано с переходом камасинцев к земледельческому быту⁴. Не случайно и К. З. Анджигова не могла вспомнить, как будет по-камасински «озеро» (близ Абалаково озер нет).

Из зафиксированных на территории бывшего расселения камасинцев субстратных топонимов наибольший интерес представляет группа гидронимических названий на **ба** — **Ангреба, Жидарба, Кулитьба** (**Кулиба**), **Сынзыба, Танойба**. Возможно, что формант **ба** должен связываться с детерминативом **бу** «вода, река», как предполагает А. П. Дульзон (Дорусское население Западной Сибири, стр. 364), однако не исключено, что в гидрониме **Сынзыба** надо выделять формант **зыба**, увязываемый с камасинским суффиксом прилагательных **зэби, сэби**.

³ Не совсем ясно утверждение А. П. Дульзона о наличии у камасинцев слова **чу** — «река» (Дорусское население Западной Сибири, Сб. «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока», Новосибирск, 1961, стр. 365).

У Доннера приведено **тһу**, а не **т'у** «озеро, протока, река».

⁴ Все приведенные Доннером названия рек с детерминативом **тһу** прилапаются к горным озерам в бассейнах рек Казыра и Маны, где вследствие множества рек и проточных озер смешение детерминативов могло произойти особенно легко.

Другую характерную группу названий составляют гидронимы на жа (жу) — Куража, Майножа, Туманжа (Туманжу), Хайдымжа (Хайдымжу). На камасинской почве они не получают сколько-нибудь удовлетворительного объяснения. К тому же х (Хайдымжа) довольно редкий звук для камасинского языка.

Детерминатив чага явственно выступает в гидрониме Сянечага (приток р. Маны).

Все приведенные гидронимы записаны у местного русского населения. К. З. Анджигатова сообщила только три камасинских названия: *kħazan тура* («русская деревня») — село Агинское, *пэшиби джага* («печная река») — р. Малый Арбай и *урго мыйа* («большая гора») — высокая гора, расположенная между Абалаково и р. Кирель.

Более обстоятельный анализ субстратной топонимики, собранной на территории бывшего расселения камасинцев, должен явиться целью особого исследования.

ДОПОЛНЕНИЕ

После того как рукопись этой статьи была сдана в печать, состоялась еще одна экспедиция в юго-восточные районы Красноярского края (летом 1964 года). В ходе этой экспедиции была проведена большая работа по уточнению генеалогии камасинцев и собиранию сведений о других «таежных», которые еще могут помнить родной язык. В результате этой работы было установлено, что живущая в городе Красноярске Александра Елисеевна Жибьева (Джибьева) еще владеет в некоторой степени «таежным» языком, хотя значительно хуже, чем К. З. Анджигатова, так как все время смешивает камасинские слова и формы с карагасскими и качинскими.

Большая работа была проведена и с К. З. Анджигатовой. Участнику экспедиции А. Ю. Кюннапу (Тарту) удалось записать на магнитофонную ленту значительные по величине камасинские тексты, которые затем были переведены. Замечательно, что К. З. Анджигатова не только работала с удовольствием, но и значительно легче оперировала камасинским материалом, чем в 1963 году.

Летом 1964 года была продолжена также работа по сбору южносамодийской топонимики.

Собранные в экспедиции сведения позволяют надеяться, что могут быть «найжены» и другие камасинцы, помнящие родной язык.